

Любовь Колесник

МЫ — ЧЕЛОВЕКИ

* * *

Когда сходящая с полей
вода собой заполнит реки,
воссоздадимся из углей
мы — человеки.

И станет молодой творец
смотреть внимательно в торец
тому, что ожило и сплыло:
немного глины, огурец,
две палки.
Что ещё? Забыла.

* * *

Снег летел с небес, жужжа и жалясь,
дальний храм кричал в колокола.
Шла по снегу, ноги разъезжались,
а весна — наоборот, не шла.

Холодно, светло и непонятно,
здорово до крови из ноздрей.
По кольцу вела меня обратно
свернутая хорда пустырей.

Стадион, а рядом с ним коллектор,
гаражи, бетонная фигня.
Что ты смотришь, век с запавшим веком,
что ты вечно смотришь на меня?

* * *

Выйду вон на станции Змеиной —
не шуршит в полях велосипед.
Некому нести букет повинный,
потому что виноватых нет.

Широка страна моя родная,
а улыбка — шире, чем страна:
В каждой бане — голая Даная,
в каждом дне — цыганская струна.

В каждом пне — до пня святого сока
родины, скрипящей на зубах.
Оттого ли горло пересохло,
оттого ли тяжесть на горбах?

Только бродит одичалый, бродит
перебор, гундосый пономарь.
Мне друзья, Андрюха и Володя,
поднесут покоцанный стопарь

и поднимут сами, встанут рядом,
скажут: «Не мудри ты, не мудри...»
Зашипит глоток змеиным ядом
и свернётся аспидом внутри.

* * *

В оленьем толстом свитере
и с дырочкой в боку...
Меня как будто вытерли
об вечность на бегу.

Она меня сморозила
с блестяшкой внутри.
А что же будет, родина?
Молчи, не говори.

Гуди, победа пиррова,
блуди, родная речь!
Я неспособна впитывать
и заманалась жечь.

Звени, трамвай, запаздывай,
съезжай за облака.
Я буду здесь, за пазухой
у Юры Шевчука.

* * *

в середине тверцы
у конца календарной зимы
выцветающий лёд колебался продавленный зыбкой
погружалась мормышка в мишень расходящейся тьмы
чтобы вынырнуть рыбкой
над серебряной нею тяжёлый мужик замирал
и высматривал смерть
но считал ли её настоящей
рыбой бился об лёд
я
играл чешуёй да играл
и проигрывал
в ящик

* * *

Автобус пуст, сажусь на задний ряд,
маршруток бельма издали горят.
Останови у мёртвого речного,
давай всё снова.

Аз буки веди, ты меня веди,
всё лучшее, конечно, позади,
а впереди дорожный край отвальный
и город спальный.

Я думаю, откуда ты возник,
а снег идёт, понурый, как лесник,
и крест висит, распластанный над Тверью.
Ты врешь — я верю.

Ты врешь, я верю, только говори.
Автобус едет, тают фонари,
лесник несёт за пазухой бельчонка.
Не плачь, девчонка.

* * *

На метро «Металлический сад»
корни смерти до времени дремлют,
в сетевых паутинах висят
добровольно сходящие в землю.

Я качаюсь в окне, не присев.
За стеклом ослепительный холод.
Металлической женщины серп,
жестяного товарища молот.

Уходящая в копоть страна
пролетает за их головами.
Металлические семена
прорастают чужими домами.

Серый поезд скользит по ножу.
Не мешайся, не стой на проходе.
«Металлический сад». Выхожу.
Все выходят.

* * *

вдоль нераспроданных при косаре задарма
мимо кирпичного с надписью «комбикорма»
справа буханка тюрьмы с позапрошлого века
не провожай
я уеду сама
маленький мой забываемый мной безасфальтый
бабки с двуперстием
пьяный дурак бесноватый
как ни ступи
под ногами грибы да гробы
взвейтесь кострами смотрящие урки жлобы
не провожай
над грозой летит катерина
боль измерима/зачеркнуто/неусмирима
белое марево дедовских послевоенных
старых антоновок сходит на нет постепенно
сада не будет
князя копошатся в грязи
люди на блюде
чин чином
дела на мази
время идёт прорастает земля мертвецами
не провожай

* * *

Люди хоронят царя в голове,
дети хоронят коня.
В плотной и потной подземной Москве
да не остави меня.

Каждый разболтанный клапан горит
газом народных судей,
«не прислоняйся», — стекло говорит,
не доходи до людей.

«Милицанер» или славный казак
место укажут в миру,
том, что трудиться и жить приказал.
Я никогда не умру.

В ясное, чистое, вечное зря
делаю шаг из дверей.
Слушай, три сына росло у царя
и никаких дочерей.

Наша планида подобна ежу
на трехкитовом бую.
В чистое поле с конём выхожу.
Он не поёт.
Я пою.

* * *

Со времён комиссара Каттани,
джинс «Мальвина» и спирта «Рояль»
пионерская медь испытаний,
соль земли, политура, эмаль
отмечали меня в невозможных,
закаляли для будущих зим,
из советских запасов подкожных
доставали проржавленный нимб,
надевали, хвалили, жалели,
наливали ещё поутру
и прекрасные строчки мне пели —
будто я никогда не умру.
До костей набивали стихами,
что из красных составлены строк...
Вот и водит меня как Сусанин
в бело-розовом венчике Блок.
Обернешься: где «Slayeg», где Дэцл?
Три карги матюкаются в такт.
Кто останется?
Люба и Ельцин.
Да и он, вообще-то, не факт.